

## Глава 2

Корабль мерно покачивался на волнах, взрезая речную гладь. Чу Юань лежал на постели, бледный как полотно.

Едва Лэ Шу приоткрыл дверь каюты, как стоявшие на часах стражники преградили ему путь, велев с бесстрастными лицами вернуться назад.

Слуга сложил руки в почтительном жесте и взмолился, понизив голос:

— Братя, Его Высочество всё ещё не оправился от простуды. Проявите милосердие, позвольте мне позвать лекаря.

Солдаты переглянулись. Пока двое удерживали юношу, третий поспешил на палубу. Вскоре он вернулся, ведя за собой рослого и широкоплечего мужчину.

Чжао Лу, не выпуская из рук рукояти меча, тяжёлой поступью подошёл к Лэ Шу. Окинув мальчишку, худого как щепка, оценивающим взглядом, он шумно выдохнул. Его голос, зычный и властный, точно удар колокола, разнёсся по коридору:

— Что случилось?

Лэ Шу до смерти боялся этого воина — могучего, с пугающим лицом. Втянув голову в плечи, он едва слышно повторил свою просьбу.

Выслушав его, Чжао Лу нахмурился и велел подчинённому:

— Ступай за императорским лекарем.

Затем генерал повернулся к слуге и, бесцеремонно толкнув дверь, прогремел своим тяжёлым басом:

— Возвращайся внутрь. На воде опасно, нечего бродить без дела.

Лэ Шу от неожиданности отпрянул назад. В следующее мгновение дверь перед самым его носом с грохотом захлопнулась.

— Лэ Шу, — позвал Чу Юань.

Он приподнялся на постели и, положив руки на одеяло, повернул голову к резной ширме, украшенной узорами из кедра и магнолий.

— Господин, лекарь скоро будет, отдохните ещё немного, — мальчик обогнул ширму и подошёл к кровати.

— Я не устал, — Чу Юань помедлил.

Он отчётливо слышал разговор за дверью и прекрасно уловил тон, которым с ними говорили. Его тонкие белые пальцы невольно сжались.

— Возьми из узелка кошелек, — произнёс он. — Там осталось ещё несколько лянов серебра. Отдай их воинам у двери, пусть купят вина. Мы должны отблагодарить их за заботу.

Слуга приоткрыл рот, собираясь возразить, но в последний момент сдержался. Вытащив монеты, он снова направился к выходу.

Едва коснувшись дверной ручки, юноша замер: снаружи донеслись приглушённые голоса стражников.

— Видели, какая кислая мина была у генерала Чжао?

— А то как же! Генерал с самого начала не в духе, ни разу не улыбнулся с тех пор, как получил этот приказ. Говорят, он уже несколько раз срывался на крик.

— С чего бы это?

— Ты что, дурак? Генерал Чжао — человек Третьего принца. Его отношение — это прямое отражение чувств Его Высочества.

— Выходит, Третий принц не в восторге от этого супруга из государства Чу?

Кто-то издал неопределённый смешок.

— Было бы полбеды, если бы он просто его не взлюбил. Боюсь только, как бы этот супруг принца не разделил участь своих предшественников и не скончался скоропостижно.

Раздался негромкий звон — серебряные монеты выпали из рук Лэ Шу. Услышав шум, люди за дверью мгновенно замолчали.

Смертельно бледный Лэ Шу отступил на два шага. Его губы дрожали, глаза расширились от ужаса, а мысли путались.

«Так вот оно что... Вот в чём дело.

Его господин покинул дворец в десять лет и девять лет прожил в заброшенном храме, всеми забытый. И вдруг в конце сентября — императорский указ, требующий, чтобы принц отправился в далёкие края на замужество. А следом — усиленная стража и строжайший надзор.

Он по наивности полагал, что это лишь способ унижить Его Высочество, но на деле... На деле они просто отправляли его на верную смерть»

Мальчик до боли закусил губу, сдерживая слёзы. Его била крупная дрожь от ярости и бессилия.

— Лэ Шу? — Чу Юань, заметив через ширму его неподвижную фигуру, вопросительно взглянул на него.

Слуга подобрал рассыпавшиеся деньги. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы унять дрожь, он вернулся к господину и спрятал их обратно в кошелёк.

— Господин, я тут подумал... Воинов снаружи много, нашего серебра на всех не хватит. Давайте лучше отдадим его, когда сойдём на берег.

Чу Юань посмотрел на его покрасневшие глаза и, догадавшись, что тот услышал нечто неприятное, не стал спрашивать. Лишь слегка кивнул:

— Хорошо.

Корабли шли по реке Е семь дней, и всё это время императорский лекарь не знал ни минуты покоя.

Чу Юаня мучила морская болезнь.

В первую же ночь его начала бить рвота. Речной ветер и сырость, пробирающая до костей, лишь усугубили лихорадку. Сознание принца затуманилось; он не мог проглотить ни крошки — всё тут же выходило обратно.

Лэ Шу ухаживал за ним дни и ночи напролёт, не смыкая глаз. Лишь к вечеру третьего дня Чу Юань наконец смог приоткрыть веки.

В последующие дни лекарства заменяли ему пищу. Когда они наконец сошли на берег, юноша выглядел крайне измождённым — он сильно исхудал и казался бледной тенью самого себя.

— Ваше Высочество, выпейте хоть немного каши, — просил Лэ Шу, сидя рядом в карете и протягивая ложку с рисовым отваром. — Стражники говорят, нам ещё дней двадцать пути.

Нужно беречь силы.

Видя слабость Чу Юаня, Чжао Лу позволил слуге ехать внутри, чтобы тот мог присматривать за господином.

Чу Юань покачал головой. Головокружение было настолько сильным, что о еде не хотелось и думать.

— Оставь. Поем, когда проголодаюсь.

Лэ Шу с болью смотрел на осунувшиеся черты господина. Его и без того светлая кожа стала почти прозрачной, отчего киноварная родинка между бровей казалась алой, точно капля свежей крови.

Слуга взял плотную лисью накидку и заботливо укутал Чу Юаня, туго затянув завязки. Мягкий мех скрывал его острый подбородок. На маленьком лице ярко светились чистые, пронзительные глаза. Юноша сидел неподвижно, олицетворяя саму покорность и тишину.

— Лэ Шу, подай книгу, которую я не дочитал.

Дорога была скучной, и Чу Юань надеялся, что чтение поможет ему скоротать время и обрести душевное равновесие.

Глаза Лэ Шу хитро блеснули. Он снова поднял чашку с кашей и произнёс с лукавым видом:

— Вы ещё не поправились, чтение утомляет. Но если Ваше Высочество согласится доесть кашу, я позволю вам почитать целую четверть часа.

Чу Юань лишь промолчал в ответ.

Его мимолётная улыбка была подобна цветению эпифиллума. Пряди волос небрежно упали на лицо, когда он тихо произнёс:

— Тогда не буду читать вовсе.

Лэ Шу едва не поперхнулся от неожиданности.

Но следом он втайне облегчённо вздохнул.

«Господин наконец-то улыбнулся, — с горькой радостью подумал мальчик. — Это первая улыбка Его Высочества за последний месяц»

Свадебный кортеж государства Лу был величествен и огромен. С каждым днём путь становился короче, а столица империи — ближе.

Наконец, в первый день двенадцатого месяца, они достигли Ецзина.

На высоких, неприступных городских стенах солдаты слаженно били в барабаны. С парапетов спускались алые полотнища шёлка, а воздух сотрясался от грохота петард.

У городских ворот толпились чиновники в парадных красных одеяниях. Они с тревогой вглядывались в приближающуюся процессию, постоянно оглядываясь назад.

— Нашли Третьего принца? — в который раз вопрошал Хань Чжэн, министр ритуалов.

— Никак нет.

— Ищите дальше! Они уже у ворот, живо! — Хань Чжэн в отчаянии затопал ногами, его глаза округлились от волнения.

— Господин Хань, Третьего принца нет в поместье. Мы не можем его найти!

— Верно, верно... Если этот Бог Резни решил спрятаться, кто посмеет нарываться на неприятности?

Сердце Хань Чжэна готово было выпрыгнуть из груди. Он и сам не горел желанием иметь дела с этим принцем, но долг обязывал. Сцепив зубы, он пробормотал:

— Если до заката его не найдут, отвезите супругу принца прямо в поместье князя Ли. Остальное нас не касается!

— Верно. Наша задача — обеспечить благополучное прибытие супруга принца в поместье, а дальше — будь что будет.

— И то правда, — закивали остальные.

Вскоре роскошный паланкин, украшенный золотыми кистями, плавно остановился у ворот.

Хань Чжэн во главе свиты шагнул вперёд и склонился в глубоком поклоне:

— Мы приветствуем супруга Третьего принца.

Чиновники и воины слаженно отозвались эхом:

— Приветствуем супруга Третьего принца.

Когда голоса стихли, из паланкина раздался мягкий, приятный голос:

— Прошу, оставьте церемонии.

Этот голос — низкий, спокойный и исполненный достоинства — был подобен тёплому весеннему ветру, вызывая невольное расположение.

Хань Чжэн на мгновение замер от удивления. Его симпатия к этому супругу принца мгновенно возросла. Сделав шаг вперёд, он почтительно произнёс:

— Путь ваш был долог и полон тягот. Мы уже у стен Ецзина, желает ли Ваше Высочество сделать остановку и немного отдохнуть?

— Хорошо.

Министр облегчённо вздохнул, но тревога не покинула его.

Было уже время Вэй. Согласно свадебным обычаям, Третий принц должен был лично встретить супруга у городских ворот и проводить его в дом.

Но этого несносного принца и след простыл. Хань Чжэну ничего не оставалось, кроме как тянуть время в надежде, что тот всё же соизволит явиться.

Он обернулся к воротам, и в душе его воцарилась горькая обида. «За какие грехи мне достался такой строптивец? Это же просто сокращает мне жизнь!»

Внутри паланкина Лэ Шу помогал господину облачиться в свадебное платье. Держа в руках поясную нефритовую подвеску, он тихо выдохнул.

Глядя на Чу Юаня с нескрываемым восхищением, он прошептал:

— Господин, вы и впрямь провидец. Как вы угадали, что мы остановимся для отдыха?

Ещё недавно юноша сгорал от беспокойства: Ецзин уже был виден, а принц всё так же невозмутимо сидел в своих старых одеждах и читал книгу, наотрез отказываясь переодеваться.

Чу Юань взглянул на него и невольно вздохнул.

— Ты видел людей снаружи? — спросил он.

Лэ Шу закивал. Он осторожно подсматривал сквозь щель в занавесе и заметил немало народу.

— И видел ли ты среди них... — юноша на миг запнулся, но тут же спокойно продолжил, — Третьего принца?

Слуга на мгновение опешил.

Вспомнив лица встречающих, он медленно начал бледнеть.

Чу Юань опустил глаза на изысканную вышивку с фениксами и драконами. В его тёмных, прозрачных глазах не отразилось ни тени чувств — лишь холодная, отстранённая пустота.

В пути он наслушался предостаточно сплетен и уже успел составить некоторое представление об этом Третьем принце.

Одного заставили жениться на чужеземце, другого — выйти замуж. У каждого из них наверняка на душе было немало горечи.

То, что муж не пришёл на встречу, было вполне объяснимо.

Лэ Шу, осознав причину, мгновенно покраснел, его глаза наполнились слезами. Он с болью смотрел на господина, не зная, как его утешить.

Жизнь принца за все эти годы была слишком горькой. А впереди — лишь неизвестность и непредсказуемость.

Не выдержав, он припал к коленям Чу Юаня и, подняв заплаканное лицо, навзрыд произнёс:

— Если бы матушка-императрица была жива и видела ваши страдания, она бы умерла от горя.

Ресницы Чу Юаня мелко вздрогнули.

Спустя долгое время он поднял руку и мягко погладил Лэ Шу по спине — то ли утешая его, то ли убеждая самого себя.

— Ничего. Не бойся.

<http://bllate.org/book/15308/1354304>